

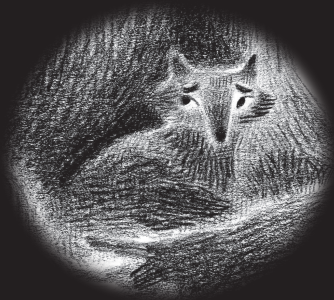
ХАЙДИКЕР КРИСТИАН МАККЕЙ

Страшные истории
для
Маленьких
лисят

Большой
ГОРОД

иллюстрации
Цзюньи У

*Посвящается К. Чемберсу,
который нашёл меня в лесу
и повёл вглубь*

СОДЕРЖАНИЕ

БЕЛЫЙ САРАЙ.....	19
УЛИЦА ГОТОРНА.....	75
ГРОБНИЦА	143
ВЕТЕРИ	143
ТА-ДА БАХ! ТА-ДА БАХ!.....	203
БЕШЕННЫЕ СОБАКИ.....	235
В ДОМЕ ШЁЛКА И ЛАДАНА	279
РЕЗИНОВЫЕ РУКИ.....	329
ЛИСИЙ ОГОНЬ	377

В ЛЕС ОЛЕНЬЕГО РОГА пришла зима.

По небу рассыпались тучи, тёмные-претёмные. Морозящая серость их лиц менялась от ветра. Они глумились и горевали, гоготали и плакали, высасывая из воздуха тепло, высушивая последнюю зелень. Они разевали рты шириной в целые мили и опорожняли свои студёные глотки.

Тучи утопили в белом весь мир.

Кролики жались друг к другу в норах. Белки забились в дупла. Олени искали убежища под ветками сосен, опасаясь, как бы глумливые лица бури не заметили их и не прикончили ледяными когтями. В лесу настала такая смертная тишина — ни одно живое существо не осмеливалось её нарушить.

Разумеется, ни одно живое существо, кроме лис.

Трое лисённышей весело бежали сквозь первый обильный снегопад, усами и лапами открывая для себя снег. Они прыгали по морозным перьям и с приятным ледяным хрустом под лапами гонялись друг за другом, бороздя нетронутый снежный покров вдоль и поперёк, как умеют только лисы.

— Я умею вызывать метель! — крикнула альфа. Она уцепилась за ветку и обрушила на голову брату и сестре снежную лавину.

— А я — снежную ящерицу! — крикнула бета, упала животом в белое, вывернула лапы и поползла, оставляя позади глубокий след.

Недоросток посмотрел, как сёстры одними мордами повелевают зимой, и без всякого плана о том, что произойдёт дальше, тоже сунул лицо в снег. Снежинки забили нос, и недоросток чихнул ледяными брызгами.

— Нет уж! — воскликнул недоросток и, шурясь, попытался отряхнуть снежинки с лица. — Гадость какая! Пойдёмте обратно в нору! Пойдёмте навсегда обратно в нору!

Альфа запыхтела, выпуская в морозный воздух облачка пара:

— Мама сказала, чтоб даже лапы нашей не было в норе, пока каждый из нас не поймает добычу.

— А ещё она сказала, что выдернет по усу за каждую снежинку, которую мы притащим с собой, — добавила бета и отгрызла с хвоста белый налипший ком.

Недоросток потрогал лапами окоченевшую морду, желая убедиться, что она никуда не делась.

Альфа пыталась не рассмеяться.

— Побегай, — наставительно сказала она. — Это растопит твой охотничий инстинкт.

Недоросток поскакал по глади свежего снега и вдруг исчез, его тёмный с медным отливом мех поглотило белым. У альфы защемило в груди. Она была самой старшей и, когда мамы не было рядом, отвечала за младших. Её усы вздрагивали от каждого их движения.

Уши недоростка высунулись из сугроба, и хвост альфы облегчённо обмяк.

Недоросток перебирал лапами, словно тонул, и пытался выбраться на твёрдый наст:

— Я не могу! Я даже *ходить* не могу!

— Помрёшь с голоду, значит! — сказала бета и весело побежала вглубь леса. — Ха-ха!

Недоросток бросил даже пытаться выбраться из сугроба и опустил морду на лапы. В глазах заблестел зимний лес.

— Не бойся, — сказала альфа. Она потянула его за загривок и помогла выкарабкаться на островок голой земли под веткой. — Если сам ничего не поймает, я помогу тебе изловить напу сестрицу. Съедем её.

Усы недоростка изогнулись в злобной ухмылке и тут же вяло повисли:

— Подожди... ты же не по-настоящему, правда? Альфа закатила глаза.

— Эй! — окликнула бета. — На охоту, недоросток! Недоросток бросился вслед за ней:

— Мама же говорила, чтоб ты меня так больше не называла! Что, нельзя быть просто *Омегой*? А лучше называй меня Клык!

Альфа не побежала следом. Она попробовала лапами снег, отыскала участок, который мог выдержать её вес, и осторожно двинулась по нему. Держаться на расстоянии от младших было очень разумно. Недоросток с бетой вышли на охоту с крадучестью лесного пожара. Всё, видимо, закончится тем, что альфе придётся охотиться за троих, а потом раздать каждому по добытому зверьку, иначе мама не пустит в нору.

Альфа обратила слух к земле. Она повертела ушами влево, а затем вправо, прислушиваясь, не скребётся ли под зыбким снегом какой-нибудь грызун. Но не раздавалось ни шороха. Ни писка. Погребённая земля окоченела до безмолвия.

Стоя с наострѣнными ушами, альфа вдруг поняла, что примолкла не только добыча. Вот уже несколько минут брат с сестрой не издавали ни звука. Ни лая. Ни визга.

— Бета? — окликнула альфа. — Омега?

Укрытые снегом ветки поймали её голос и заморозили.

Альфа принюхалась, отыскала двойной след, оставленный лапами младших, и поскакала по нему. Глубокий снег становился всё глубже, поднимаясь выше кончиков ушей. Вскоре, чтобы мельком увидеть лес, приходилось уже подпрыгивать, снова проваливаясь в белое после каждого прыжка.

Младших нигде не было видно. Их запах давно потерялся в морозном воздухе.

Альфа поскакала быстрее.

Через несколько прыжков она почувствовала запах крови. Свежей крови. Запах, солёный и тёплый, окрасил воздух. Нос альфы судорожно дёрнулся, а от страха защемило живот.

Это же *лисьей* кровью так пахнет?

Альфа поскакала вперёд, не позволяя снегу взять верх над её лапами. Тлетворный дух густел и, прищипываясь к запаху зелёных иголок, вёл её под сосну.

Сосновые ветки отяжелели под горами снега, удерживая под собою тени, точно в ловушке.

Альфа сделала вдох. Потом другой. А потом ткнулась носом в заснеженные иголки, просунула морду в темноту... и заметила два пушистых хвоста. Недоросток и бета. Их кровь всё ещё при них.

— Что вы как *мёртвые*? — воскликнула альфа, проскальзывая под ветками. Ковёр из коричневых иголок мягко покалывал лапы. — Вот скажу маме, что вы убежали, она вам уши откусит.

Ей никто не ответил. Брат с сестрой смотрели во все глаза на что-то, скрытое наполовину стволом дерева. Альфа увидела чей-то мех, стремительно скакнула вперёд и загородила собою младших. Пасть над клыками оперилась, шерсть на загривке остро вздыбилась.

Перед ними на боку лежал лис. Кровь пенилась в уголках рта и покрывала коркой мех на животе. Ухо у самого основания было немного разорвано.

Когда альфа поняла, что грудь лиса так же тиха, как иголки под ним, шерсть у неё на загривке чуть-чуть улеглась.

— Кто его, думаете, убил? — прошептала бета.

— Что значит «кто убил»? — спросил недоросток. — Лис не убивают. Это мы убиваем.

Альфа принюхалась к ранам лиса и почувствовала что-то похожее на запах тухлых яиц.

— Надо похоронить его? — спросила бета.

— О-о! — протянул недоросток. — А может, нам утащить его в нору? Я скажу, что это моя добыча.

— Нет, — ответила альфа. — На нём может быть проклятье.

Теперь, когда она знала, что лис не опасен, ей стало интересно, кто же его убил. Да и мама захочет узнать. Альфа надула грудь, стараясь казаться больше собственного страха, и шагнула вперёд.

— Ты куда? — *зашипела бета.*

— Хочу понять, что с ним случилось, — прошептала альфа, подкрадываясь ближе.

— А вдруг оно прячется там, за деревом, которое убило его? — спросила бета.

— А вдруг оно затаилось позади мёртвого, которое убило его, и только и ждёт, чтобы выскочить и наброситься на *тебя?* — на одном выдохе проговорил недоросток.

Альфа стиснула зубы. От младших, как всегда, никакой помощи.

Медленно ступая, она приблизилась к лису. Но она никак не могла отыскать рану. Она опустила морду, чтобы перевернуть его, и...

— *Ф-фу-у-ух-х-х-х!*

Лис возвратился к жизни.

Бета взвизгнула, недоросток захныкал, и оба нырнули под ветки. Опустив морду и сердито рыча, альфа вздыбила загривок и попятилась назад, отвлекая на себя клыки Чужака.

От страха глаза Чужака стали огромными.

— Кто здесь? — спросил он вязким от крови голосом.

Альфа держалась на расстоянии. Он был больше неё. Пусть даже он ранен, ещё неизвестно, удастся ли ей с ним справиться.

— *Прошу вас*, — шероховатым голосом заговорил Чужак. — Я вас... не трону. Мне нужна... помощь.

Альфа согнула в коленях ноги, готовая юркнуть под ветки, схватить недоростка в зубы, подтолкнуть бегу и бежать, не останавливаясь до самой норы.

И тут вдруг недоросток высунул голову из-под иголок:

— Чем надо помочь?

— *Ф-ф!* — сердито фыркнула альфа, заставляя его умолкнуть.

— Понял? — зашептала из-под сосны недоростку бета. — Вот из-за этого ты и не доживёшь до весны.

Нedorосток зло посмотрел в ответ.

— Мы не можем помочь, — прорычала Чужаку альфа. — Вам надо уйти отсюда.

— *Прошу вас*, — взмолился чужак. — Я должен... вам рассказать... что случилось. Если вы не выслушаете...

Его голос превратился в какие-то булькающие звуки, и альфе оставалось только догадываться, что он хотел сказать.

Под сосной наступила тишина. Слышалось лишь дыхание четырёх лисиц. Альфа пристальным взглядом смотрела за Чужака, сквозь растопыренные сосновые ветки на размазанный красный след, что тянулся по зимнему лесу.

Бета высунула голову из-под иголок:

— Не умрём ведь, если послушаем, правда? Нас-то двое, а он один.

— Нас *трое!* — возразил недоросток.

— Да ещё раненый, — закончила свою мысль бета.

Альфа посмотрела на младших, на их головы, торчащие из-под иголок, на их мокрые блестящие носы. Она принохалась к оставленному Чужаком кроваво-му следу, ослепительно красному на ослепительно белом снегу. Вот бы мама была сейчас здесь!

— Иди-ка домой, Омега, — сказала альфа.

— Ещё чего! — возмущённо сказал недоросток. — Сама иди-ка домой! Хотя нет, постой. Не ходи, не надо. Оставайся со мной.

— Тебе же сказали, — вмешалась бета, — иди к маме! Мы скоро вернёмся.

— Ладно. Пойду. — Недоросток плюхнулся на бок. — Если *потащишь* меня домой!

Альфа даже подумала так и поступить, но от одной мысли у неё разболелись зубы.

— Послушаем немного, — сказала она. — Но если я скажу вам бежать, вы *побежите*.

Младшие выскользнули из-под веток и отряхнули с шубок снег. Альфа уселась перед окровавленным Чужаком и носом показала младшим, чтобы садились на один хвост позади.

— Кто это с вами так? — спросила Чужака альфа. Чужак облизал с губ красноту.

— Я не могу... начинать... с конца.

Его шумное дыхание никак не хотело выравняться.

Недоросток помесил лапами иголки, как будто засомневался в своей решимости:

— А эта история, она... м-м... страшная?

— Да... — ответил Чужак. — Только без диких зверей. Без голода. Без... замёрзших хвостов. Ничего такого, что бывает в лесу. — Морщась от боли, он поднял голову и посмотрел на лисёнышей. — Эта история не о том, как выжить.

Лисёныши переглянулись. Разве бывают на свете другие истории?

— Она началась, — произнёс Чужак, — на ферме...

— Я обожаю фермы! — закричал недоросток. — На фермах куры. Я обожаю кур. Обожаю трясти их, пока не умрут.

Чужак закрыл глаза.

— Это была не такая ферма.

БЕЛЫЙ
САРАЙ

1

— **С**ЕГОДНЯ про что? Про Снежного Призрака?
Про мистера Шорка?

— Про Булькожажда!

— Тьфу! Вы каждый вечер выбираете про Булькожажда.

— Булькожажда! Булькожажда!

— Ладно. Значит, про Булькожажда.

Ферма стояла погружённая в тёмную синеву, если не считать двух источников света. В хозяйском доме мерцал огонёк свечи, слабый и пленительный за кружевными шторами окна. А в норах из проволочной сетки, расставленных по двору, гудели ослепительно красные полосы, от которых лисий мех светился, как пламя.

— Готовы? — прошептала П-838 из своей норы.

Она была бетой, самкой-производителем, беременной следующим поколением лисиц Фермы. Правда, живот у неё ещё не показался.

— *Готовы*, — ответил О-370. Это был лисёныш-омега. Его нора примыкала к норе П-838.

— Только рассказывай на этот раз *правильно*, — сказал Н-211. Нора недоростка располагалась позади

норы О-370 в ряду, что стоял ближе к лесу, с которым граничила Ферма. — Юли никогда не кусал Булькожажда за тысячу задниц. У булькожаждов вообще не бывает тысячи задниц!

П-838 приподняла бровь:

— А куда, по-твоему, уходит еда из его тысячи пастей?

О-370 громко прыснул. Он никогда в жизни не видел ни одного существа с тысячью пастей. Не говоря уж о тысяче задниц. Но это не мешало ему всматриваться сквозь сетку норы вглубь леса и воображать себе немыслимое создание, чьи пасти заполонили сумрачную тень.

— Только рассказывай, чтоб было *страшно*, — сказал Н-211. — Вот так.

Он защёлкал зубами в разные стороны, пытаясь изобразить, как щёлкают разом бесчисленные пасти болотного чудища из старой истории. Со стороны же смотрелось так, будто он ловит муху и никак не может поймать.

О-370 расхохотался:

— Не убейся, Двести одиннадцатый.

Н-211 прыгнул и прижался лапами к сетке, разделявшей их норы:

— Везёт тебе, что меня там нет! Я б тебе рожу от-булькожаждал!

— Да я б отъюлил твою тысячу задниц! — ответил О-370, бросаясь на сетку со своей стороны.

И оба кинулись в драку сквозь проволочные переплетения сетки. Щёлкая клыками и напирая на шаткую преграду, каждый пытался опрокинуть другого

на спину. Как и большинство других драк, эта тоже закончилась ничьей, и лисёныши попадали в норы, завывая от воображаемых ран.

— Моё лицо! — кричал О-370.

— Мои *задницы*! — скулил Н-211.

И оба зашлись от хохота.

Н-211 приходился О-370 двоюродным братом, да ещё был ему лучшим другом. Разумеется, своей дружбой они прежде всего были обязаны тому, что их норы находились бок о бок. Однако О-370 был совершенно убеждён, что его поместили рядом с самым классным, самым весёлым лисом на всей Ферме. Они с такой неистовостью пожирали истории о Юли и Мии, с какой не пожирали даже еду, которую им давали два раза в день. И когда остальные лисы укладывались спать, они вдвоём принимались разыгрывать приключения из этих историй — насколько им позволяли сетчатые норы, которые были в два хвоста шириной и в два хвоста глубиной.

— *Кхм*, — прочистила горло П-838.

Н-211 улёгся, подпихнув под себя лапы, а О-370 остался стоять. В самые захватывающие моменты историй ему нравилось чувствовать под собой ноги.

Деревья раскачивались и скрипели. П-838 прикрыла глаза:

— Болото разинуло влажную глотку и *погловило* Юли и Мию целиком.

— Хе-хе-хе, — противненько захихикал Н-211.

О-370 опустил ресницы, и в размытой картинке ему привиделось, как поникли обросшие серым деревья, как из-под палой листвы проступили омуты чёрной воды.

— В вышине, в спутанных ветках, — продолжала П-838, — сидели белые, точно призраки, птицы. Заметив лисёнышей, они подняли головы к небу и защёлкали клювом. Сквозь прикрытые ресницы О-370 показалось, будто лунный свет, упавший на ветки, отрастил перья.

Голос П-838 превратился в рычание:

— И в бездонной глубине илистого озера что-то *запузырилось*.

Ноги у О-370 напряглись, словно у кузнечика. Ему до боли хотелось разодрать сетку и устроить охоту на чешуйчатого Булькожажда, или удрать от завываний Снежного Призрака, или схватиться с кровавыми клыками Мистера Шорка. Ему хотелось унюхать жёлтое зловоние — проклятие, которое превращало лисиц в безмозглых каннибалов; ему хотелось собрать всех на свете беспомощных лисёнышей и укрыть под надёжной защитой Фермы.

— Хватит перевирать историю! — зарычал Н-211, и О-370 понял, что перестал слушать. — Это был енот, не енотиха! И не говорил он никогда, что у Юли *красивая шубка!* И не просил он никогда переехать к нему на болото.

П-838 презрительно подняла морду:

— Говорил. Это енотиха, и она надеялась покрыть ежевичные пятнышки Юли склизкими болотными поцелуями.

— Тьфу! — Н-211 закатил глаза так сильно, что едва не перевернулся.

— Это оскорбление наших предков, — грозно про-рычал низкий голос.

П-838 вздрогнула, а О-370 наострил уши.

Это рычал А-947, через две норы от них. Его силуэт неясно виднелся за сетчатыми стенами. Альфа был на три зимы старше лисёнышей. Мех у него был яркий, как жёлудь, острые уши черны, как ночь, а кончик хвоста белый, будто луна. Глаза пылали огнём под красным светом обогревателей.

— Булькожажд мог бы запросто перекусить этого енота, словно *мышонка*, — сказал А-947, кривя над клыками губы. — Он мог бы обратить свои зубы против Юли и Мии, в один миг превратить их в месиво *шерсти* и *крови*. Юли повезло выбраться из болота всего лишь без одной лапы.

О-370 ухмыльнулся, глядя на Н-211, который ухмыльнулся в ответ. *Это* уже больше походило на правду.

— Если бы ты, Триста семидесятый, знал, какая на самом деле была у них жизнь, — рычал А-947, — твой хвост перестал бы вилять.

О-370 резко вытянулся по стойке смирно и сел на хвост, чтобы тот не вилял.

Лис-альфа уставился в зияющую темноту между деревьев:

— У тебя коченеют уши, у тебя кровоточат лапы, а хвост разрывается надвое. Голод терзает тебя изнутри так сильно, что рёбра *хрустят* при каждом вдохе.

— *Фу!* — сказала П-838.

А-947 впился красным взглядом в О-370:

— Каждая тварь в лесу вынюхивает твой след. Каждый барсук. Каждая сова. Каждый коралловый аспид. Все они ждут не дождутся, когда ты на мгновение

потеряешь бдительность, и тогда они утащат тебя во тьму, вскроют живот и полакомятся твоими потрохами. *P-P-PA-A-A!*

Альфа стремительно прыгнул на сетку, и лисы — все трое, даже П-838 — вздрогнули.

— Ха-ха-ха! — утробно расхохотался А-947. О-370 облегчённо прыснул.

— Вот, Восемьсот тридцать восьмая, как надо из них изгонять всю дикость, — сказал А-947. — И тогда, как только настанет час, они с признательностью войдут в Белый сарай.

О-370 посмотрел сквозь сетку на Сарай, который стоял на краю лужайки напротив фермерского дома. Краска на стенах Сарая была яркая, точно облака в сентябре. Крыша сияла золотом даже ночью. Когда выпадал снег и рыжие лисьи шубки становились густыми, Фермер уводил в Сарай всех недоростков и омег, и там, в Сарае, они воссоединялись с предками. Там, в Сарае, Н-211 и О-370 станут лакомиться персиками и сороконожками и бесконечно нежиться под тёплым мехом у мам и пап, у бабушек и дедушек, у прабабушек и прадедушек.

Некоторые альфы и беты останутся в сетчатых норах и станут рассказывать истории о Мии и Юли новым лисёнышам, только что из щенячьих загонов.

— Мы рассказываем эти истории не за тем, чтобы вас напугать, — сказал А-947. — Мы рассказываем, чтобы вы знали, какой была жизнь до Фермы. Чтобы вы понимали, как вам повезло оказаться здесь.

О-370 перевёл взгляд с леса на проволочную сетку,

которая защищала его от жестоких существ, что обитали в лесной чаще. В зябком воздухе угасающих осенних дней он чувствовал, как тепло от обогревателя растекается по ушам. Он попытался обнаружить в себе признательность к Ферме со всеми её удобствами. Но признательность не приходила.

Лис-альфа с гордостью оглядел Ферму:

— Жертвы, принесённые Мией и Юли, привели нас сюда. В это место, которое гораздо дороже Венцового леса. — Он кивнул на фермерский дом. — Такие люди, как Фермер или Мисс Поттер, дают нам тепло, дают крышу над ушами, дают в изобилии пищу. За это мы им обязаны — мы обязаны стать ручными.

Из множества историй о Мии и Юли история с Беатрис Поттер нравилась О-370 меньше всего. Добрая женщина привела Мию из мрака дикой природы к свету собственной хижины, окружила молодую лисичку заботой, кормила её, а потом вновь отпустила от себя на поиски приключений.

Скучища.

В самые сокровенные минуты О-370 боялся, что Белый Сарай — это тоже скучища. Что там настанет конец всем приключениям.

— У тебя-то по-прежнему на усах дикость, я знаю, — сказал А-947, обращаясь к О-370. — Не беспокойся. Мы избавим тебя от неё. Будем рассказывать истории так, как случилось *на самом деле*. Со всей кровью, кишками и оторванными лапами.

Рот О-370 дёрнулся в подобии улыбки, и А-947 отвёл от лисёныша налитый красным взгляд.

— Продолжай, Восемьсот тридцать восьмая. — Альфа улёгся поудобнее в своей норе.

— Хорошо, *ладно*, — прошептала П-838. — Енотиха никогда не признавалась Юли в своей неугасимой любви. Но если бы Юли поглубже заглянул к ней в глаза, он увидел бы в них тень тоски — как если бы только он мог заполнить бездонное болото её души.

— Разбуди меня, когда это закончится, — проворчал Н-211.

О-370 ещё разок принюхался к лесу, надеясь на слабый запах жёлтого, или лилового, или снежного меха, или болотного дыхания. Но приключения, как всегда, оставались там, куда его нюх проникнуть уже не мог.

ДЗИНЬ! ДЗИНЬ! ДЗИНЬ! ДЗИНЬ!

— Наконец-то! — вскочил на лапы Н-211.

Бряцание черпака по ведру с едой вызвало среди лис Фермы переполох, и, поскуливая, все вышли вперёд в своих сетчатых норах. У О-370 потекли слюнки и зачесалось ухо. И все мысли о Белом Сарае растворились в голодных повизгиваниях, которые разносились по Ферме в предвкушении еды.